
ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СТРУКТУРА ОБРАЗА ЕВГЕНИЯ В ПОЭМЕ А.С. ПУШКИНА «МЕДНЫЙ ВСАДНИК» И ЕЕ ОСМЫСЛЕНИЕ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НАУКЕ

Б.М. Карим

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье рассматривается образ Евгения в поэме А.С. Пушкина «Медный всадник» сквозь призму различных точек зрения исследователей и критиков XIX—XX вв.

Ключевые слова: А.С. Пушкин, «Медный всадник», литературная критика, образ, личность, герой, персонаж.

«Медный всадник» является эпохальным творением и занимает особое место в художественном мире Пушкина и в общем массиве русской литературы. Повышенный интерес к поэме начинается в XIX веке, продолжается в XX и не ослабевает в новом столетии, оставаясь устойчивой и представительной тенденцией, поскольку смысловой и эстетический потенциал, определяющий феноменальность этого произведения, делает его постоянно актуальным для изучения в различных аспектах [14. С. 4].

Образ Евгения в поэме «Медный всадник» очень сложен для изучения. Характерное высказывание об этом герое принадлежит А.В. Дружинину: «Несмотря на благоговение к памяти Александра Сергеевича, мы смело упрекаем его Евгения в бесцветности» [8. С. 76]. Современная наука расширяет смысловые возможности, заложенные в характере Евгения автором. Прежде всего необходимо рассматривать его в контексте всей образной структуры поэмы. Наблюдения О.И. Федотова над ритмической структурой текста поэмы показывают, что в ней «особенно контрастны темы Евгения и Петра — двух главных антагонистов поэмы» [21. С. 103]. Эти герои воплощают в поэме Пушкина два противоположных начала: незначительной личности и власти.

В пушкинском замысле масштабом своей личности этот герой должен был соответствовать масштабу «строителя чудотворного», и в целом — масштабу поэмы, в которой возникал образ России. Следовательно, Евгений не мог быть только малым, слабым, ничтожным, убогим.

Огромная смысловая нагрузка, которую несет образ Евгения, отражена в структуре поэмы и своеобразии ее композиции. Ю. Тынянов заметил, что в ней изменено положение главного и, по его выражению, «второстепенного» героя. Хотя в произведении должен главенствовать Пётр, что закреплено названием «Медный всадник», «главный герой... вынесен за скобки: он дан во вступлении, а затем сквозь призму второстепенного» [19. С. 454]. Именно «второстепенный» герой становится в центр сюжетного действия поэмы, и именно с ним, а не с «главным» связана ее гуманистическая концепция. Свое произведение Пушкин с полным основанием мог бы назвать «Бедный Евгений». Называя поэму «Медный всадник»,

поэт в лице Петра подчеркивал первопричину всех событий, происходящих в произведении, включая гибель «второстепенного» героя.

Все художественные смыслы поэмы соотносятся с образом Евгения. Композиция поэмы выстроена таким образом, что сюжетные перипетии связаны с судьбой «бедного Евгения», а Медный всадник предстает своей зловещей сутью и как объект осмысления, и как преследователь. Упоминание о похоронах Евгения является заключительной сценой поэмы. Свое произведение Пушкин заканчивает на трагической ноте, поскольку обманчиво «маленький человек» укрупняется им до размера главной ценности мира.

Литературоведы видели в «Медном всаднике» и апофеоз Петра, утверждение его исторической правды над частной судьбой, и рассматривали в поэме обе правды, государственную и человеческую, как равновеликие в авторском понимании. Пушкинская концепция в поэме выстраивается несколько иначе, прямо противоречит ее стандартным интерпретациям. Противоречит она и тем толкованиям, в которых Евгений осмысливается как человек толпы, ординарный и приземленный, воплощающий в себе тип обывательского сознания и вызывающий сочувствие автора.

В обзорах работ по «Медному всаднику», которые содержатся в книгах Г. Макаровской и Ю. Борева, хорошо виден общий контекст осмысления героя Пушкина. Исследователями отмечен противоречивый, непоследовательный, сложный характер парадигмы научного осмысления «Медного всадника». Эту ее особенность так сформулировала Г. Макаровская: «Пушкина то объявляли примирившимся с существующим положением вещей мудрецом, превознесшим принцип государственности, то видели в нем пророка грядущих мятежей и неизбежной гибели самодержавия; его то считали певцом Петра, признавшим безусловное превосходство национального над личным, то подходили к нему как к гуманисту, усомнившемуся в величии Петра перед фактом гибели невинного человека» [11. С. 5].

Одной из широко принятых точек зрения было противопоставление «сверхличного» Петра «личной» и, следовательно, менее значительной судьбе Евгения. Преклонение перед государственными деяниями царя, признание его правоты и страдание его жертве впервые встречается у В.Г. Белинского: «Мы понимаем... что не произвол, а разумная воля олицетворены в этом Медном всаднике... И смиренным сердцем признаем мы торжество общего над частным, не отказываясь от нашего сочувствия к страданию этого частного» [4. С. 404]. Двойственная позиция критика во многом легла в основу сложившейся парадигмы истолкования пушкинской поэмы.

На протяжении многих лет широко распространенным становится государственно-классицистический аспект этой парадигмы. Одним из первых истолкователей смысла поэмы в подобном свете был Д.С. Мережковский. Единственным ее героем он считал Медного всадника, обладающего исторической правотой. Евгений же объявлялся жертвой, не заслуживающей сострадания. «Воля героя, — писал он, — умчит и пожрет его, вместе с его малой любовью, его малым сча-

ством... Не для того ли рождаются бесчисленные, равные, лишние, чтобы по костям их великие избранные шли к своим целям? Пусть же гибнущий покорится тому, «чьей волей роковой под морем город основался» [13. С. 143]. В отличие от позиции Белинского у Мережковского мы видим своего рода «безжалостность» к жертве из-за ее абсолютной незначительности.

Таким образом, сложилось представление, что сам Пушкин осуждает мелкого чиновника, созданного им, за «бескрылость», стремление отстраниться от великого в своем личном мире и еще имеющего дерзость бунтовать. После революции идея отвержения Евгения самим автором поэмы за его привязанность к личным интересам в ущерб общим, государственным, стала достоянием работ многих известных пушкинистов — Д. Благого, Л. Гроссмана, Г. Гуковского.

Истолкование образа Евгения в гуманистическом ключе в пушкиноведении связано прежде всего с именем В. Брюсова, который видел «в образах Евгения и Петра символы двух начал... олицетворения двух крайностей: высшей человеческой мощи и предельного человеческого ничтожества» [6. С. 49]. Гуманизм Брюсова проявлялся в том, что в его представлении Пушкин в поэме воспекает свободу. В споре двух крайностей, по мысли Брюсова, автор становится на сторону Евгения, показывая правомерный мятеж человеческой души против насилия чужой воли над его судьбой. Именно в мятеже видит исследователь пробуждение Евгения. Бунт в понимании Брюсова становится прозрением героя, а трагическая вина Петра с его великими деяниями в том, что он покусился на человеческую свободу.

Мережковский крайне негативно относился к бунту Евгения и требовал от него смирения. Брюсов же считает этот бунт благом и видит в нем связь с идеей свободы и пророчеством грядущих революций. Однако именно он дал самые уничижительные оценки своему «подзащитному», назвав его ничтожным, неумным, неоригинальным, ничем не отличающимся от своих собратьев человеком. Брюсов сближал при этом «малое» и «ничтожное», явно выходя за пределы пушкинского замысла. При таком понимании образа Евгения получалось, что он поднимает мятеж, за которым стоит только ничтожество, доведенное до отчаяния.

Гуманистическая концепция поэмы, связанная с именами Л. Тимофеева, Б. Томашевского, А. Македонова, Г. Макогоненко, Ю. Борева, П. Мезенцева, М. Харлапа, А. Архангельского, Б. Мейлаха, Н. Сысоевой, С. Фомичёва, Ю. Лотмана и др., оправдывала протест Евгения против власти, нередко называя его героическим, видя в бунте высшую точку эволюции этого образа.

Сочувствие Пушкина своему герою у представителей этой концепции сомнений не вызывало. Однако при этом его осмысление оказалось в русле темы «маленького человека».

На «ничтожество» Евгения указывал Брюсов. Он говорил о пунктирности образа, отсутствии биографической, бытовой и психологической детализации. Споря с Брюсовым, Н. Анциферов полагал, что «стирая все эти бытовые черты, Пушкин придает своему герою все более и более отвлеченный, призрачный характер, который соответствует требованиям мифа» [2. С. 62]. Это замечание исследователя

стало одной из первых попыток определения художественного типа, воплощенного в Евгении, вокруг чего и возникла полемика.

Б.В. Томашевский заметил умолчание как специфический прием авторской недоговоренности в обрисовке личности Евгения. Безликость героя в концепции ученого предстает как способ обобщения на основе достаточно выразительных и конкретных деталей пушкинского описания. По мнению Б.В. Томашевского, автор изображает в герое только те черты, которые делают его воплощением судьбы и участи многих.

Определить типическое начало в пушкинском герое стремился и Б.С. Мейлах. «Евгений — персонаж, изображенный с присущим ему образом мыслей и характером, — констатировал он, — и в то же время — это тип, представляющий многих человек, о которых сказано, что их „тьма в Петербурге“» [12. С. 98]. Это представление исследователя продолжало неизбежную постановку проблемы художественного типа «второго» героя в «Медном всаднике».

Идея о превращении автором своего персонажа в заурядного человека толпы открывает возможность символического укрупнения образа мелкого чиновника, вырастающего в некий сверхтип — аналог символической фигуры «Медного всадника». На этом противоречии и строится сюжет поэмы.

Сущность сверхтипа в том, что Евгений становится олицетворением массы, воплощением несчастных и обездоленных людей, и в момент мятежной вспышки пусть на мгновение уравнивается с Петром. Перед этим возвышение героя происходит тогда, когда среди бушующих волн он сидит на «звере мраморном верхом» и в этом положении оказывается подобием великана — Петра и отчасти уравнивается с ним в масштабах.

Целый ряд исследований о поэме связан с амбивалентной интерпретацией образа Евгения. Двойственность оценок была заложена в самом главном сюжетном персонаже. У Мережковского «дрожащая тварь» одновременно оказывается равновеликой герою — Петру: «Кто сильнее, кто победит? Нигде в русской литературе два мировых начала не сходились в таком страшном столкновении» [13. С. 144]. У Брюсова Евгений — «...это соперник „грозного царя“, о котором можно говорить тем же языком, что и о Петре» [6. С. 47].

Другая сторона амбивалентности пушкинского персонажа связана с тем, что исследователи наряду с «малостью», безликостью начинали видеть его человеческие достоинства и их подлинную высоту в ряде сюжетных ситуаций. Двойственность оценки героя свойственна Б.С. Мейлаху: «Образ Евгения из „Медного всадника“, безусловно, самый сложный и „положительный“ из всех образов „маленьких людей“, созданных Пушкиным. Лишь Евгений оказывается достойным не только сочувствия и соболезнования, но в определенный момент вызывает восхищение» [12. С. 101]. Ученый, с одной стороны, отмечает ограниченность чиновника, крайнюю узость его жизненных целей, с другой — считает Евгения личностью, человеком высоких нравственных качеств. «Нравственные понятия Евгения безупречны и благородны, они выработаны „В волненье разных размышлений“, он думает о том, как доставить себе „и независимость, и честь“, он для

этого „трудиться день и ночь готов“. Это и личность самоотверженная; когда пришла катастрофа, он „страшился, бедный, Не за себя“» [12. С. 102]. При этом в бунте «маленького человека» Б.С. Мейлах видит героическое начало.

Наиболее близко к истинному пониманию персонажа подходили те исследователи, которые смогли увидеть системный характер его достоинств, относительность «малости», отсутствие в тексте поэмы семантики ничтожества и безликости героя, а также его масштаб, делающий героя сопоставимым с образом Петра — Медного всадника не только в сцене бунта и угрозы. Несмотря на большое количество спорных вопросов, исследования в подобном русле несли в себе позитивную тенденцию осмысления главного конфликта, воплощающегося в противостоянии двух фигур. Одним из первых важный шаг на пути к постижению Евгения как значительного и цельного образа сделал Андрей Платонов в статье «Пушкин — наш товарищ» в 1937 г. в журнале «Литературный критик». Погружаясь в смыслы «Медного всадника», Платонов шел по пути его создателя, вступившего своим произведением в диалог с реальной исторической властью.

В ситуации обострения конфликта между государством (Медный всадник) и личностью (Евгений) статья стала выражением жажды примирения двух начал.

В Евгении Платонов увидел личность. Он усмотрел в бедном чиновнике натуру любящую, верную, человечную. «Его душа, тесно-огражденная судьбою и общественным положением, могла отдать всю свою силу лишь в любовь к Параше... эта страсть не побеждается даже наводнением и гибелью Параша, даже Петром Первым, ничем, — человек уничтожается вместе со своей любовью. Это не победа Петра, это — действительно трагедия» [16. С. 26—28].

Платонов был первым, кто осмыслил «Медного всадника» как поэму-трагедию. Платоновская позиция не только снимала государственно-классицистический пафос осмысления повести, преодолевала идею безликости, ничтожества Евгения как «маленького», жалкого человека, возвысившегося до Медного всадника лишь на мгновение в бунте против него. Она подразумевала неповторимость личности героя. Развитие концепции Платонова можно увидеть в интерпретациях «Медного всадника» И. Белза, Г. Макогоненко, Б. Мейлахом, Б. Бурсовым, а также Д. Граниным, Н. Сысоевой, Г. Зотовым, Ю. Боровым.

В «ничем не примечательном чиновнике» Ю. Боров видит тайну не менее значительную, чем та, что сокрыта в Петре. «Оказывается, — пишет он, — что Евгений — сам целый мир. Да, он — человек маленький, частный, но претендующий на самозначность и самоценность» [5. С. 139]. Исследователь считает, что «в мечтах Евгения много высоких моментов». Безумие героя Ю. Боров называет «высоким» и замечает, «что его мысли от житейского круга впервые восходят к размышлениям о России, о государстве, об олицетворяющем их памятнике...», что в этих размышлениях «бедный безумец» «выходит за рамки обыденного сознания» [5. С. 146—147]. Ученый утверждает, что многими приемами Пушкин достигает соизмеримости, сочетаемости двух, казалось бы, несопоставимых фигур — «державца полумира» и бедного петербургского чиновника. Убедительно выглядит мысль Ю. Борева о том, что «для Пушкина Евгений и его идея личного счастья — мир, равновеликий Петру I с его державными думами и свершениями» [5. С. 148], что поэтому программы двух героев для Пушкина равновелики.

Современные тенденции в подходах к поэме содержатся в интерпретации, предложенной Н. Сыроевой. По мысли исследователя, для Пушкина как создателя эпической поэмы нового типа «абсолютная мера всех вещей — не государство, не народ, не герой, — а человек» [17. С. 96], и в произведении царит концепция абсолютного гуманизма. Рассматривая поэму в свете ценностей, которые были Пушкину наиболее близки, Н. Сыроева полагает, что поэт создал в ней «новую модель поэтического национального эпоса... осознанное, неколебимо гуманистическое соотношение частного и общего в нем...» [17. С. 97]. Исследователь отталкивается от идеи об одинаковой ценности для Пушкина Петра и Евгения, их одинаковом этическом потенциале, утверждая, что поэт в своем произведении ставит «перед самым великим властителем национальной истории онтологический вопрос о высшей и абсолютной цели их, властителей, деяний, реформ, войн, побед, об их человеческой цене» [17. С. 98].

Пушкин, полагает Н. Сыроева, убежден, что только во имя блага в его христианском понимании для Евгения и Параши великие деяния Петра и жертвы, страдания, национальные победы обретают смысл. Исследователь уходит от пресловутой идентификации Евгения как «маленького человека». В целом, в ее подходе к «Медному всаднику» заявляет о себе назревшая потребность смены парадигмы осмысления сложнейшего произведения русской литературы.

Процесс обновления представлений о герое поэмы отразился в работе Г. Зотова, который пишет о том, что судьба Евгения тесно связана с имперской проблематикой поэмы, данной в ней исключительно в негативном, античеловеческом ключе и воплощенной в образе Всадника, который олицетворяет имперское начало — одно из проявлений мирового зла. Эта печать, по мысли исследователя, лежит и на его фигуре, поданной Пушкиным с негативными семантиками идола. Развивая традицию осмысления поэмы как трагедии, Г. Зотов вместе с тем так формулирует нравственно-философскую идею поэта: «Всею силой своего дара Пушкин был против безличного — будь то державный истукан, стихия или толпа; был на стороне страдающего человека, чью высшую сущность он первым провозгласил в русской поэзии» [9. С. 45].

Новый подход к образу Евгения отражает точка зрения М. Виролайнен. Способ прочтения поэмы в социальных категориях, по мнению этого исследователя, привел к тому, что ретроспективно пушкинский герой стал восприниматься как первый «маленький человек» русской литературы, открывающий галерею таких персонажей, как Поприщин, Башмачкин, Макар Девушкин, и с этим выводом невозможно не согласиться. У Пушкина, как справедливо утверждает М. Виролайнен, социальная характеристика Евгения — только этап в разворачивании неизмеримо более широкой темы. Его герой вовлечен в историческую коллизию, наделен историческим прошлым и трагической виной. При подобном видении открываются реальные перспективы дальнейшего изучения персонажа. Исследователь особо отмечает полную незащищенность Евгения, говорит о его жертвенном пути, значительно расширяя традиционные представления.

Таким образом, в современной науке возникает устойчивая тенденция переосмысления образа Евгения как ключевого звена пушкинской художественной

концепции в поэме «Медный всадник». «Одна из распространенных точек зрения противопоставляла „сверхличного“ Петра „личному“ Евгению, проявлялась тенденция осмыслять его в качестве представителя множества и видеть в нем тип „маленького“ человека. Стремления постичь принципы пушкинской типизации были лишены полноты и цельности. Обманчиво „маленький“ герой оказывался как тип неуловим, не сводясь ни к одной из предлагаемых схем. Он как бы „разрывался“ на две половины по линии сопряжения малого, убогого и высокого, героического. Первым, кто сделал шаг на пути к пониманию Евгения как значительного и цельного образа, был А. Платонов. Наиболее близко к его истинному измерению подходили те исследователи, которые смогли увидеть системный характер его достоинств, относительность „малости“, отсутствие в его образе семантики ничтожества и безликости, а также истинный масштаб героя, делающий его сопоставимым с образом Петра — Медного всадника не только в сцене бунта. В работах последних лет изживаются представления о „малости“ Евгения и меняется отношение к его бунту против Петра, самому Петру и его государству» [14. С. 18].

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. — Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1949.
- [2] *Анциферов Н.П.* Миф о «строителе чудотворном» // Анциферов Н.П. Быль и миф Петербурга. — Петроград: Изд-во Брокгауз-Эфрон, 1924. — С. 49—83.
- [3] *Архангельский А.Н.* Стихотворная повесть А.С. Пушкина «Медный всадник». — М.: Высшая школа, 1990.
- [4] *Белинский В.Г.* Собр. соч.: В 9 т. Т. VI. — М.: Худож. лит., 1981.
- [5] *Борев Ю.Н.* Искусство интерпретации и оценки: Опыт прочтения «Медного всадника». — М.: Сов. писатель, 1981.
- [6] *Брюсов В.Я.* Медный всадник // Собрание сочинений: В 7 т. Т. 7. — М.: Худож. лит., 1975. — С. 30—61.
- [7] *Виралайнен М.Н.* «Медный всадник. Петербургская повесть» // Звезда. — 1999. — № 6. — С. 208—219.
- [8] *Дружинин А.В.* Литературная критика. — М.: Сов. Россия, 1983.
- [9] *Зотов Г.* Стихия и кумир. Над страницами «Медного всадника» // Истина и жизнь. — 2004. — № 2. — С. 38—46.
- [10] *Лотман Ю.М.* В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. — М.: Промсвещение, 1988.
- [11] *Макаровская Г.В.* «Медный всадник». Итоги и проблемы изучения. — Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1978.
- [12] *Мейлах Б.С.* Творчество А.С. Пушкина: Развитие художественной системы. — М.: Промсвещение, 1984.
- [13] *Мережковский Д.* Пушкин // Пушкин в русской философской критике: Конец XIX — первая половина XX в. — М.: Книга, 1990. — С. 92—160.
- [14] *Перзек А.Б.* «Медный всадник» А.С. Пушкина: концептуально-поэтическая инвариантность в русской литературе XX века (1917—1930-е гг): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. — Великий Новгород, 2012.
- [15] *Перзек А.Б.* Поэма А.С. Пушкина «Медный всадник» в художественной интерпретации Е. Замятина // Пушкин и Крым: Материалы IX Междунар. науч. конференции: В 2 кн. — Симферополь, Крым. Архив, 2000. Кн. 1. — С. 228—233.

- [16] *Платонов А.П.* Пушкин — наш товарищ // Платонов А.П. Размышления писателя. Статьи. — М.: Сов. писатель, 1970. — С. 8—22.
- [17] *Сысоева Н.П.* «Медный всадник» А.С. Пушкина как новый тип русского национального эпосотворчества XIX века // III междунар. Измайловские чтения: Материалы: В 2 ч. Ч. I. — Оренбург: Изд-во ОГПУ, 2003. — С. 93—104.
- [18] *Томашевский Б.В.* Пушкин. Материалы к монографии (1824—1837). Кн. 2. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961.
- [19] *Тынянов Ю.Н.* Пушкин и его современники. — М.: Наука, 1969.
- [20] *Фаустов А.А.* Авторское поведение Пушкина: Очерки. — Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2000.
- [21] *Федотов О.И.* Основы теории литературы: Учеб. пособие. В 2-х ч. — Ч. 2. — М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2008.
- [22] *Хализев В.Е.* Теория литературы. — Изд. 4, испр. и доп. — М.: Высшая школа, 2005.

**THE IMAGE OF EUGENE IN THE POEM
BY A. PUSHKIN “THE BRONZE HORSEMAN”
AND ITS COMPREHENSION IN THE NATIONAL SCIENCE**

B.M. Karim

People’s Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article studies the image of Eugene in the poem by A. Pushkin “The Bronze Horseman” in the light of the various points of view of researchers and critics of XIX—XX centuries.

Key words: A. Pushkin, “The Bronze Horseman”, literary criticism, image, personality, character, character.